

ЗАМЕТКИ
ЗРИТЕЛЯ

«ПОЧЕМУ УЛЫБАЛИСЬ ЗВЕЗДЫ...»

ЭТО БЕГЛЫЕ заметки зрителя, набрасываемые сразу после премьеры комедии, когда нервы еще взвинчены сменой впечатлений, когда в мышцах еще ноет память о смехе, лишь недавно полновластном вас. Они пишутся о пьесе А. Корнейчука «Почему улыбались звезды...», поставленной в Малом театре режиссером Б. Равенских.

Пока чувство диктует эти беглые строчки, театроведы, вероятно, уверяют свои эмоции строгой меркой разума, опираясь на могучий аппарат своей уважаемой науки. Их бинокли, подобно спектроскопам, устремленным в гущу звезд, разлагают на сложные спектры световосные явления сцены, обнаруживают, сравнивают, соразмеряют различные спектральные линии: линии Шенкина, линии Станиславского, линии Мейерхольда... Окончательная оценка спектакля родится лишь в итоге подобной кропотливой и вдумчивой работы. Но позвольте просто улыбнуться понравившейся пьесе, улыбнуться так, как улыбаешься звездам.

Драматург А. Корнейчук написал комедию нравов, остроумную, дерзкую, страстную. Это пьеса на современную тему. Она разоблачает некоторые застойные явления в нашей жизни, порожденные отчасти проникновением буржуазной идеологии, а отчасти пережитками культуры личности. Свежий ветер XX съезда партии шумит на ее страницах. Не будем пересказывать содержания пьесы и тем самым лишать зрителей удовольствия самим проследить за ее неожиданными ходами. В ее центре комические злоключения архитектора Барабаша, человека, оторвавшегося от народа, пребывающего в плену мешающих заблуждений и попавшегося на удочку проходивцев.

Б. Равенских подошел к пьесе с позиций «большой режиссуры», когда постановщик не следует пассивно за автором, а участвует в равной мере в создании театрального представления. Спектакль является усилителем идей, заключенных в пьесе, усилителем ее публицистического звучания: этой цели подчиняется весь оркестр сценических средств, все линейки режиссерской партитуры.

Среди разнообразных линий в многоцветном спектре спектакля нельзя не заметить своеобразно преломленную линию традиций украинского национального театра. Постановщик режиссер Б. Равенских старался найти свои и, быть может, несколько неожиданные пути перенесения национальных традиций украинского театрального искусства на одну из древнейших сцен России. Пожалуй, не было до сих пор на русской сцене спектакля, где с такой же щедростью и в таком же синтетическом нерасторжимом единстве сочетались с драматическим действием песни, танцы и музыка. Музыка и песни в постановке Б. Равенских не дивертисмент, не насос для подкачки художественных эмоций и не лак для маскировки белых пятен. Это — самостоятельное действующее лицо, нечто вроде Хора в древнегреческой трагедии.

Можно сказать, что музыка и пес-

ня в этом спектакле несут большую идейно-политическую нагрузку. Есть в пьесе А. Корнейчука опасности, подстерегающие немногочисленных постановщика (и этим объясняются неполные успехи пьесы на иных сценах).

Мы говорим об известной узости круга действующих лиц и большом числе драматургически ярких отрицательных персонажей. Так вот, музыка и песни композитора Вано Мурадели безмерно расширяют рамки действия: в постоянно пульсирующем музыкальном фоне возникает облик большой нашей страны, борющейся, ликующей, побеждающей.

Архитектурная конструкция художника Б. Волкова, присутствующая во всех действиях, рациональна и красива и, как всякая умная театральная декорация, обладает высокой способностью перевоплощения. В беспощадном дневном освещении ее лестницы, колонны и балюстрады кажутся «плодом излишеств» архитектора Барабаша, но сгущаются сумерки — и магией света сцена превращается в некий высокий форум обсуждения важных нравственных проблем.

Народность и демократизм украинской национальной драматургии, так ярко проявляющиеся в пьесах Корнейчука, сочетаются в спектакле с благородной изысканностью сценической формы. Мизансцены спектакля напоминают собой музыкально организованные ансамбли. Вспомните «трио» в составе молодого баловня Петра Погоды (артист Н. Подгорный) и его сюсюкающей мамы (артистка Н. Белевцева), и дающего гневные реплики профессора — отца (артист В. Кенигсон). А припомните, с какой изобретательностью поставлены танцы! Взять хотя бы танец молодого стилиста Тимофея и «роковой красотки» Матильды, где на фигуры «буги-вуги» Матильда (она же инспектор угрозыска) отвечает милическими приемами «самбо».

В спектакле замечательно показали себя представители старшего и среднего поколения Малого театра и прежде всего М. Жаров, воплотивший сочный образ краснодеревщика Моржа, и Н. Светловидов, создавший уморительную фигуру старичка-молодожена Однолюба. Обаятелен В. Дорогин в роли архитектора Барабаша. Уже с первых шагов чувствуется, что тяжелые заблуждения его героя временные, наносные, исправимые, это всего лишь пленка, готовая спастись с его очей при первой серьезной жизненной встряске.

Но, пожалуй, никогда еще с такой смелостью не вводилась на сцену Малого театра артистическая молодежь. Молодые артисты исполняют в спектакле роли пожилых и юных. Вероятно, артистка О. Чуваева, хорошо исполняющая роль ткачихи Бессмертной — «совести народной», и артист В. Коршунов, исполняющий роль комсомольца Юрия — ее сына; артистка Э. Далматова, воплощающая прекрасно написанный образ Клеопатры Барабаш и артистка Р. Нифонтова, играющая ее дочь — комсомолку Олю, принадлежат почти к одному театральному поколению. Угадывается

сознательный режиссерский замысел в таком распределении ролей. Постановщик стремился подчеркнуть духовную молодость зрелых советских людей и добился этого. Да, молодежь достойно показала себя в этом спектакле и прежде всего здесь хочется отметить Р. Нифонтову, Н. Подгорного, А. Торопова (Тимофей Шпак), Г. Кирюшину (Матильда).

Но все же возникает неотвязный вопрос, отчего бы не ввести в этот интересный спектакль дополнительно на часть ролей, не отстраняя молодежь, и главные силы Малого театра, например М. Царева на роль Барабаша, Е. Гоголеву — на роль Бессмертной, Д. Зеркалову — на роль Клеопатры? Не открылся бы при таком дублировании новый источник творческого обогащения артистической молодежи?

Представление подходит к концу. Горит костер в саду, и в его веселом пламени радостно летит антикварный хлам, подсунутый архитектору Барабашу аферистом Шпаком. Комично и трогательно отрывается от своих мешающих заблуждений бывший пастух Барабаш. И вдруг шемящая возвышенная нота вливается в комедийную атмосферу спектакля: небольшой поворот сценического круга, и кургузая балюстрада, служившая какой-то нелепой преградой, превращается в столбовую дорогу, уходящую вдаль. По ней с рюкзаками за плечами исходят из родительского дома навстречу трудовым романтическим подвигам Юрий и Ольга.

Безмолвное небо украинской ночи одно воцаряется на сцене. Млечный путь тянется за горизонт двумя дымами. Звездное небо сияет, как символ нравственного начала, о котором когда-то говорил Кант.

Но что это за красноватая звездочка светится вдали? Это Марс — астрологический знак борьбы и сражений. Нет, не в мирной звездной гармонии рождается нравственное начало. Оно возникает и утверждается на земле в жестокой войне идеологий. В борьбе с пережитками буржуазной морали побеждает новая, коммунистическая мораль. И этой победе тепло улыбаются звезды.

Владимир ОРЛОВ.